
АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ
СУВЕРЕННЫЙ ДЕФОЛТ
Анатомия капитала • Книга вторая
18+

Алексей Чернявский

Анатомия капитал. Книга 2. Суверенный дефолт

«Автор»
2026

Чернявский А. А.

Анатомия капитал. Книга 2. Суверенный дефолт /
А. А. Чернявский — «Автор», 2026

Победа в Санкт-Петербурге оказалась лишь прологом к тотальной европейской блокаде.Брюссель активирует чрезвычайный протокол «Суверенный дефолт»: танкерный флот берут на абордаж в Северном море, счета холдинга заморожены, а лондонский пентхаус Агницы опечатан полицией. Теневой картель старой Европы намерен сломать непокорную наследницу и уничтожить Кирилла Воронцова.Их брак перестает быть сделкой — теперь это союз двух равных хищников, прикрывающих друг другу спину под огнем. От судебных баталий в Гааге и ночного тарана в Роттердаме до закрытых клубов аристократической Женевы и снежной осады у подножия Маттерхорна — Агница и Кирилл ведут партию на уничтожение врага. В их руках — тайные векселя Сен-Готарда на четыре миллиарда евро и досье на убийц матери Агницы.Но какую цену потребует победа, когда по их следу пускают боевых пловцов и ликвидаторов британской ЧВК?

© Чернявский А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Нулевая миля: Маасвлакте 5
Глава 1. Воздушный коридор 11
Глава 2. Схипхол под контролем / Марш на Маасвлакте 18
Глава 3. Портовая инспекция / Гаагский прецедент 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Алексей Чернявский Анатомия капитал. Книга 2. Суверенный дефолт

Пролог. Нулевая миля: Маасвлакте

Шторм в Северном море пах солью, сырой соляркой и замерзающей пеной.

В двенадцати морских милях к северо-западу от внешнего рейда Роттердама, за пределами территориальных вод Королевства Нидерландов, шла тяжелая, рваная волна высотой в шесть метров. Черная, вздыбленная вода цвета мокрого антрацита с глухим, чудовищным грохотом разбивалась о бульбообразный форштевень танкера-газовоза «Балтийский лидер». Двухсотметровая стальная громада водоизмещением сто двадцать тысяч тонн медленно кренилась с борта на борт, преодолевая встречный шквал со скоростью всего в восемь узлов.

В гигантских изотермических танках судна, изолированных вспененным перлитом и мембранами из инварной стали, спали тридцать тысяч тонн сжиженного стабильного газового конденсата — того самого стратегического объема, который трое суток назад пытались сжечь на третьем терминале Усть-Луги.

Время: **03:14** по местному времени.

На ходовом мостике танкера царил глубокий, напряженный полумрак. Свет приборных панелей был приглушен до тускло-красного спектра, чтобы не ослеплять вахту. В огромных триплексных окнах метались полосы ледяного дождя со снегом; за бортом выл ветер силой в тридцать восемь узлов, раскачивая радары кругового обзора на фок-мачте.

Капитан дальнего плавания Виктор Самойлов — пятидесятилетний балтиец с обветренным, изрезанным морщинами лицом и тяжелым, цепким взглядом — стоял у центрального пульта управления, опершись кулаками о поручень.

На его мониторе навигационного комплекса ECDIS горела желтая траектория движения: судно шло строго по границе исключительной экономической зоны, ожидая полуденного окна для захода в подходной канал европорта Маасвлакте. Аккредитивы швейцарского банка *Lombard Odier* были разблокированы, слоты согласованы, демередж оплачен. Все формальности морского права казались закрытыми.

— Капитан, цель на тринадцать часов, — глухо произнес второй помощник, не отрывая взгляда от экрана радиолокационной станции кругового обзора Furuno. — Быстроходная малоразмерная метка. Скорость тридцать пять узлов. Идет курсом прямо на наш правый борт без включенного ответчика AIS.

Самойлов медленно выпрямился.

В его жилах мгновенно вскипел старый армейский рефлекс. За тридцать лет на флоте он повидал достаточно «неопознанных целей», чтобы не верить в случайности на подходах к главному нефтеналивному хабу Европы.

— Запрос по шестнадцатому каналу УКВ, — скомандовал он. — Дублировать на канале безопасности порта.

Второй помощник вдавил тангенту радиостанции:

— Неопознанное судно по пеленгу триста сорок пять, говорит газовоз «Балтийский лидер», флаг Либерии. Вы опасно сближаетесь с нашим бортом. Обозначьте себя и измените курс в соответствии с МППСС-72. Прием.

В динамиках стояло лишь шипение статических радиопомех. Ни звука. Ни позывного.

И в следующую секунду над ходовым мостиком с оглушительным, давящим на барабанные перепонки свистом разорвался рев спаренных газотурбинных двигателей.

Из низких, набрякших снегом туч прямо над палубой газовоза вывалился тяжелый двухдвигательный вертолет Eurocopter AS332 Super Puma Королевской военной полиции Нидерландов.

Машина была полностью лишена опознавательных навигационных огней. Только из-под днища фюзеляжа вспыхнул ослепительный, режущий глаза луч ксенонового поискового прожектора «Spectrolab» мощностью в сорок миллионов кандел. Белый световой столб ударил прямо по стеклам мостика, превратив обзор штурманов в непроницаемое белое марево.

— Внимание экипажу судна «Балтийский лидер»! — разорвал тишину громовой голос через внешний бортовой громкоговоритель вертолета. Металлический, резкий английский язык с жестким нидерландским акцентом заглушил шум шторма. — Говорит специальное подразделение морской полиции DSI и Береговая охрана Нидерландов! Немедленно остановить главный двигатель и лечь в дрейф! Принять на борт инспекционную группу! Любая попытка маневрирования будет расценена как сопротивление властям!

Второй помощник испуганно отшатнулся от окна, прикрывая глаза ладонью:

— Капитан... Мы в нейтральных водах! Двенадцать миль от береговой линии! Какая к черту полиция?! Они не имеют права останавливать судно под иностранным флагом в международном коридоре!

— Заблокировать двери мостика изнутри, — холодно скомандовал Самойлов. Его пальцы метнулись к закрытому щитку аварийной связи в штурманской рубке. — Активировать систему тревожного оповещения SSAS. Жми скрытую кнопку. Передавай сигнал тревоги прямому судовладельцу.

Помощник сорвал пломбу и вдавил красную клавишу судовой системы охранного оповещения.

Спутниковый модем Inmarsat-C мгновенно выбросил в эфир зашифрованную телеграмму высшего приоритета:

ALERT / SSAS TRIGGERED

VESSEL: BALTIC LEADER (IMO 9812401)

COORDINATES: 52°01'N 003°48'E (NORTH SEA)

EVENT: UNLAWFUL BOARDING IN PROGRESS / UNIDENTIFIED MILITARY UNITS

RECIPIENT: AETERNA CAPITAL HQ / PERSONAL ATTN: K. VORONTSOV & A. RAEVSKAYA

Но они не успели даже запереть герметичные переборки нижнего яруса надстройки.

С вертолета, зависшего в пяти метрах над технологической площадкой компрессорной станции СПГ, уже скользнули вниз тяжелые канаты фаст-ропа.

С них, точно черные тени, один за другим соскользнули бойцы Dienst Speciale Interventies (DSI) — элитного антитеррористического спецподразделения голландской полиции. Черные гидрокостюмы, бронежилеты с кевларовыми воротниками, баллистические шлемы с панорамными приборами ночного видения и короткие карабины HK416 с глушителями.

Одновременно с подветренного борта танкера с глухим ударом пришвартовался восьмиметровый жестко-корпусный катер RHIB, шедший в слепой зоне радаров. Еще восемь штурмовиков ворвались на грузовую палубу по штормтрапам, мгновенно взяв под контроль доступ к манифольдам и криогенным клапанам.

Тяжелая бронированная дверь мостика с грохотом распахнулась от удара гидравлического клина.

В помещение ворвались четверо оперативников в черных масках. Стволы автоматов с лазерными целеуказателями синхронно легли на грудь Самойлова и его помощников. Красные точки прицелов замерли на переносицах штурманов.

— Руки за голову! Отойти от органов управления! Шаг назад, живо! — рявкнул на немецком и английском головной боец, вбивая приклад карабина в пульт авторулевого.

Следом за спецназом на мостик неторопливо поднялся мужчина в гражданском ветрозащитном пальто поверх костюма и тяжелых форменных ботинках с шипами.

Лицо холеное, с седеющими висками и презрительно поджатыми тонкими губами. В правой руке он держал жесткую водонепроницаемую папку с голографическим гербом Европейской комиссии.

Хендрик ван дер Меер. Специальный уполномоченный Генерального директората Европейской комиссии по энергетике (DG ENER).

Он окинул притихший экипаж холодным, брезгливым взглядом и шагнул к Самойлову:

— Капитан Самойлов?

— Я капитан этого судна, — глухо ответил Самойлов, не опуская подбородка. — И я официально заявляю, что вы совершили акт вооруженного пиратства в открытом море. Это грубейшее нарушение девяносто второй и сто десятой статей Конвенции ООН по морскому праву. Вы будете отвечать перед Международным трибуналом в Гамбурге.

Ван дер Меер едва заметно усмехнулся — сухо, снисходительно, как смотрят на пойманного с поличным контрабандиста.

Он открыл папку и вынул сшитый плотный документ с синей печатью брюссельского секретариата:

— Международное право защищает добросовестных перевозчиков, капитан. А не суда, обслуживающие криминальные теневые синдикаты востока.

Он ткнул пальцем в текст директивы:

— Чрезвычайный приказ Совета Европейского союза номер двадцать шесть дробь четыреста. Груз стабильного газового конденсата на борту вашего танкера признан объектом незаконного оборота углеводородов и вещественным доказательством по делу о террористической атаке в порту Усть-Луга. Судно реквизируется в порядке обеспечительных мер.

— Груз имеет стопроцентную чистую декларацию! — крикнул второй помощник. — Аккредитивы банка *Lombard Odier* открыты два часа назад!

— Документы вашего швейцарского банка аннулированы специальным постановлением Еврокомиссии сорок минут назад, молодой человек, — отрезал представитель Брюсселя. — Ваше топливо подлежит немедленной принудительной разгрузке в стратегические хранилища терминала Gate LNG в счет обеспечения многомиллиардных исков европейских потребителей.

Ван дер Меер повернулся к командиру группы захвата:

— Штурвал на правый борт. Курс сто сорок. Заводите газовоз в закрытый сектор Маасвлакте-Два под конвоем фрегата Береговой охраны. Связь с суши полностью заглушить. Экипаж изолировать в кают-компании под вооруженной охраной.

— Есть, сэр, — отчеканил офицер DSI, вскидывая автомат к плечу Самойлова: — Двигайся, капитан. Быстро.

Самойлов посмотрел на мигающий индикатор аварийного спутникового модема.

Красный диод погас: голландские оперативники вырвали силовые кабели связной стойки с корнем. Но сигнал тревоги уже ушел.

Он летел по спутниковым ретрансляторам над ночной Европой — прямо на защищенные экраны двух людей, которые еще не знали, что их лондонская победа только что обернулась объявлением тотальной войны на уничтожение.

Высота — сорок одна тысяча футов.

Бизнес-джет *Bombardier Global 7500* шел в разреженном ночном небе над проливом Па-де-Кале, держа курс на восток. За тонкими овальными иллюминаторами свистел встречный высотный поток со скоростью двести пятьдесят километров в час; за бортом царила космическая пустота в минус пятьдесят два градуса. Внизу, скрытая плотным одеялом свинцовых снеговых туч, лежала холодная, черная гладь Северного моря.

В просторном салоне джета пахло выдержанным цейлонским чаем, дорогим табаком и кашемиром пледа *Loro Piana*, укрывавшего колени Агницы.

Она сидела у окна, откинув голову на мягкий кожаный подголовник. Глаза были прикрыты. После сокрушительного триумфа на тридцать четвертом этаже башни на Бишопсгейт, где совет старших партнеров *Kingsley & Ward* остался сидеть на руинах собственного товарищества, ее тело настигла мгновенная, глухая фаза мышечной разрядки. Пальцы, сжимавшие фарфоровую чашку, согревались от горячего фарфора, но пульс под золотым корпусом *Cartier Tank* наконец опустился до нормального ритма.

Воронцов сидел напротив, за широким столом из массива дуба.

Он снял пальто и пиджак, оставшись в темно-серой жилетке поверх сорочки с расстегнутым воротом. Его галстук лежал на консоли; манжеты были небрежно подвернуты, обнажая мускулистые предплечья с темными венами и сатинированную сталь хронометра *Patek Philippe*. На экране его ноутбука бесшумно обновлялись банковские балансы вновь зарегистрированного дубайского бюро *Raevskaya & Partners* — перекачка клиентских счетов из Лондона в DIFC шла в штатном режиме.

Кирилл оторвал взгляд от цифр, посмотрел на Агницу. В полумраке салона, рассекаемом лишь теплой янтарной полосой контурной подсветки, его лицо казалось высеченным из темного камня. Тонкий шрам у виска, замаскированный утром, в усталом расслаблении проступал отчетливее.

Он протянул руку через стол, коснулся кончиками пальцев ее ладони, лежавшей на кашемире:

— Ты не спишь.

Агница медленно открыла глаза. Серые, кристально ясные зрачки встретились с его взглядом:

— Я считаю ходы, Воронцов. Эдвард Кингсли не простит нам этого разгрома. Он пойдет в Министерство юстиции Великобритании. Они поднимут связи в Брюсселе.

— Пусть идут, — ровно ответил Кирилл, и его большой палец провел по тыльной стороне ее кисти, очерчивая костяшки. — В Лондоне у них больше нет рычагов. Долг конторы принадлежит нашему дубайскому фонду. Если они сделают хоть один публичный выпад против твоей репутации — приставы арестуют их счета в течение трех часов. Ты свободна, Агница. Впервые за пять лет.

На губах Агницы появилась слабая, горьковатая полуулыбка. Она хотела ответить, но не успела.

В тишине герметичного салона с оглушительным, режущим визгом взорвался аварийный зуммер правительственного терминала Inmarsat-C, врезанного в переборку по правому борту.

Звук был коротким, пульсирующим, с частотой три герца — так звучал только сигнал высшей морской опасности, который невозможно было заглушить или проигнорировать.

Одновременно центральный дисплей в перегородке вспыхнул кроваво-красным цветом. На экране замигала строка экстренного донесения:

*** EMERGENCY PRIORITY ONE / DISTRESS BEACON ACTIVE ***
SOURCE: SSAS (SHIP SECURITY ALERT SYSTEM)
ORIGIN: TANKER "BALTIC LEADER" (IMO 9812401)
COORDINATES: 52°01'N 003°48'E (SECTOR: ROTTERDAM ROADSTEAD)
STATUS: UNLAWFUL MILITARY BOARDING / TELEMETRY TERMINATED

TIMESTAMP: 03:14:22 UTC

Воздух в салоне джета словно выкачали мощным вакуумным насосом.

Усталость Агницы испарилась за микросекунду. Она сбросила плед, выпрямилась в кресле, ее пальцы мгновенно метнулись к клавиатуре своего рабочего ноутбука, разворачивая тактическую морскую карту Северного моря.

Воронцов не шелохнулся, но его фигура мгновенно подобралась, как у волка перед атакой. Мышцы челюсти сжались так, что на скулах вздулись узлы; серые глаза остекленели, превратившись в узкие оптические щели. Он снял трубку внутренней связи с пилотами:

— Командир. Доложить текущие координаты и остаток топлива.

— Эшелон четыреста десять, сэр, — мгновенно отозвался голос первого пилота из кабины. — Траверз Дюнкерка. До входа в воздушное пространство Нидерландов четыре минуты. Топлива до Дубая с резервом на два часа ухода.

— Сбросить автопилот, — отчеканил Воронцов голосом, от которого в трубке зазвенела мембрана. — Закрыть эшелон. Перевести борт в режим оперативного маневрирования. Наш новый пункт назначения — Амстердам, Схипхол. Запрашивайте экстренный коридор прямо сейчас.

— Принято, сэр. Разворот на Схипхол.

Джет заложил крутой левый вираж. Перегрузка вдавила Агницу в спинку кожаного кресла, за иллюминаторами горизонт накренился под углом в сорок пять градусов.

Она не обращала внимания на гравитацию. Ее взгляд был прикован к экрану, где мерцала последняя переданная телеметрия танкера.

— Это не сомалийские пираты, Кирилл, — голос Агницы звучал с той ледяной, хирургической четкостью, которая включалась у нее в эпицентре судебных катастроф. — Судно стояло на внешнем рейде в двенадцати милях от берега. За пределами трехмильной зоны территориального моря Нидерландов. Это открытое море, международный коридор разделения движения судов.

Она вывела на второй монитор спутниковый снимок высокого разрешения с коммерческого радара *Sentinel*:

— Смотри на тепловые сигнатуры. Вертолет Super Puma нидерландской военной полиции и перехватчик Береговой охраны. Это государственная спецоперация. Голландский спецназ DSI взял мостик за четыре минуты. Они заглушили судовой транспондер AIS.

В ту же секунду на личный планшет Агницы упало уведомление из закрытой базы официального вестника Европейского союза (Official Journal of the EU). Документ был опубликован задним числом — ровно в 03:00 ночи.

Она открыла файл, пробежала глазами по преамбуле, и ее пальцы с силой впились в кромку стола:

— Чрезвычайная директива Совета ЕС номер 26/400. Подписана Генеральным директоратом по энергетике. Инициатор — специальный комиссар Хендрик ван дер Меер.

— Основание? — коротко бросил Воронцов, открывая оружейный отсек в нижнем коробе консоли и доставая компактную тактическую аптечку и спутниковый телефон правительственной контрразведки.

— Обеспечительные меры по иску картеля *Euro-North Energy*, — чеканила Агница, и в ее голосе звенела чистая, беспощадная ярость. — Брюссель объявил тридцать тысяч тонн нашего конденсата «токсичным контрабандным активом», связанным с финансированием терроризма в порту Усть-Луга. Они аннулировали аккредитивы *Lombard Odier* специальным распоряжением Еврокомиссии. Танкер конвоируют к причалу Gate LNG в Роттердаме для принудительного слива топлива в стратегические резервы Нидерландов!

Воронцов поднял глаза от экрана.

В глубине его зрачков полыхнул тот самый черный, первобытный огонь, который Агница видела во время ночного боя в кабельном коллекторе. Это была не просто наглая экспроприация. Это был спланированный институциональный капкан высшего международного уровня.

— Они не смогли сломать нас в Лондоне руками лорда Вэнса, — произнес Кирилл, и каждое его слово падало с тяжестью свинцовой пломбы. — И тогда теневой кабинет задействовал Брюссель. Если они сольют конденсат в свои резервуары, они создадут прецедент принудительной конфискации. Это активирует кросс-дефолт по всем кредитным линиям холдинга в Европе. Все наши танкеры на рейде от Гибралтара до Антверпена будут арестованы в течение суток.

— Это называется «Суверенный дефолт», — выдохнула Агница. — Полная блокада. Нас отрезают от мирового океана.

Она захлопнула ноутбук с сухим, щелкающим звуком.

Подняла голову. Ее светлые волосы растрепались от перегрузки виража, щеки горели лихорадочным румянцем, но взгляд серо-стальных глаз был прямым и несгибаемым, как клинок шпаги. В ней не было ни грамма сомнения, ни тени растерянности.

— Мы не полетим в Дубай, Кирилл.

Воронцов посмотрел на нее долгим, немигающим взглядом. Уголок его губ дрогнул в едва заметной, хищной полуулыбке — признание равного, разделяющего с ним готовность идти на таран:

— Мы садимся в Схипхоле через тридцать минут, Агница.

— Мы садимся в логове врага, — поправила она, доставая телефон и открывая закрытый реестр судей Международного трибунала по морскому праву в Гамбурге. — Они думают, что захватили беззащитный русский газовоз. Они думают, что прикрылись брюссельской директивой и могут грабить нас в открытом море.

Агница подалась вперед, глядя Кириллу прямо в зрачки:

— Твои люди возвращают физический контроль над судном. А я... я разнесу их Гаагский окружной суд и Еврокомиссию по статьям Конвенции ООН так, что голландскому премьер-министру придется лично извиняться перед Советом Безопасности.

Воронцов медленно протянул руку, положил широкую горячую ладонь ей на затылок и притянул ее лицо к себе.

Его дыхание обожгло ее губы. В этом прикосновении не было светской галантности — было темное, неразрывное соучастие двух хищников, запертых в одной стальной клетке перед лицом всего мира:

— Ты моя королева, Агница. Но помни: в Голландии они будут стрелять на поражение.

— Пусть попробуют, — прошептала она в его губы за секунду до того, как его поцелуй запечатал этот пакт. — У них не хватит патронов.

Бизнес-джет пробил плотную кромку грозовых снеговых облаков и пошел на крутое снижение к посадочной полосе амстердамского аэропорта Схипхол.

Внизу, в ночном штормовом тумане Северного моря, тяжелый танкер «Балтийский лидер» под дулами автоматов входил в гранитное горло роттердамского порта.

Вторая битва за империю Раевских началась.

Глава 1. Воздушный коридор

Глиссада тридцать шестой правой полосы аэропорта Схипхол — печально известной среди пилотов как «Полдербан» — напоминала спуск в заполненную жидким азотом шахту.

Северо-западный шквал с Северного моря гнал над польдерами плотный слой рваной слоисто-дождевой облачности. На высоте пятисот футов видимость упала до критического минимума: за иллюминаторами *Bombardier Global 7500* не было ничего, кроме серого ледяного молока, хлеставшего по композитным плоскостям крыла. Джет потряхивало на термических сдвигах ветра, но тяжелые турбины *Rolls-Royce Pearl* держали расчетную траекторию с безупречной автоматической точностью.

В кабине пилотов трещал динамик диспетчерской службы *Luchtverkeersleiding Nederland* (LVNL).

Амстердамский контроль уже трижды пытался увести борт на запасной аэродром в Эйндховен, ссылаясь на «неблагоприятные метеоусловия и перегрузку воздушного пространства столичного узла».

Агница сидела в основном салоне, не пристегивая плечевые ремни безопасности, и лично слушала радиообмен через запасную гарнитуру *Bose* с активным шумоподавлением. Ее пальцы в такт командам диспетчера летели по выносной клавиатуре ноутбука, где в режиме реального времени обновлялась выписка Европейской организации по безопасности воздушной навигации (*Eurocontrol*).

— Они лгут, — произнесла она, не повышая голоса.

Голос Агницы звучал кристально чисто, с той выверенной сухостью, которая заставляла лондонских партнеров вытягиваться в струнку.

— В Схипхоле открыты две полосы на прием. Ветер тридцать два узла с порывами до сорока — в пределах летных ограничений нашего типа судна. Эйндховен — военный сектор, совмещенный с базой Королевских ВВС. Если мы сядем там, борт заблокируют на рулежной дорожке по закону о военном положении под предлогом проверки груза. Нас продержат в изоляторе военной комендатуры минимум двенадцать часов — ровно столько, сколько требуется Ван дер Мееру, чтобы слить конденсат в Роттердаме.

Воронцов сидел напротив, расстегнув ворот рубашки и откинувшись на спинку кресла. Его спутниковый терминал был подключен к защищенному шлюзу управления гражданской авиации Нидерландов.

Он поднял трубку внутренней связи с кабиной:

— Командир.

— На связи, Кирилл Николаевич, — отозвался капитан джета.

— Отклонить директиву на уход в Эйндховен. Объявить статус *Pan-Pan* по остатку топлива и техническому сбою правого гидроконтура управления механизацией. Запросить немедленную посадку на тридцать шестую правую с приоритетом безопасности полетов. Если диспетчер откажет — напомните ему статью одиннадцатую Чикагской конвенции о международной гражданской авиации и личную уголовную ответственность дежурного смены за создание аварийной ситуации. Сажайте машину.

— Принято, сэр. Идем на посадку в Схипхол.

Через тридцать секунд в гарнитуре Агницы раздался нервный, сбивающийся на фальцет голос амстердамского диспетчера:

«November-Eight-Zero-Zero-Alpha-Echo, подтверждаем приоритет по чрезвычайной ситуации. Разрешаю посадку на полосу тридцать шесть правая. После пробега следовать по рулежной дорожке Виктория-Браво в сектор Схипхол-Оост. Вашему борту назначен эскорт наземных служб безопасности».

Агница сняла наушники, аккуратно опустив их на полированный дуб стола.

— «Эскорт служб безопасности», — повторила она с тонкой, ядовитой усмешкой. — Они даже не пытаются скрыть, что нас ждут.

Воронцов медленно застегнул манжеты сорочки, защелкнув платиновые бруски запонок. В его движениях не было ни грамма суеты: он собирался на выход так, как выходят на плацдарм перед началом зачистки.

— Схипхол-Оост — это старый восточный сектор аэропорта, — заговорил он ровным, глухим басом. — Там обслуживают только частные джеты, правительственные делегации и грузовые спецборты. Пассажирский терминал отрезан тремя рядами колючей проволоки и периметральными датчиками движения. Нас не поведут через обычный зал VIP-обслуживания. Нас загонят на изолированную стоянку номер пятьдесят два у ангаров KLM Engineering.

Он повернул к Агнице экран своего планшета, где на спутниковом снимке Схипхола в режиме реального времени мигали три красные точки:

— Моя служба технической разведки перехватила частоты управления Королевской военной полиции — *Koninklijke Marechaussee*. Три микроавтобуса оперативного реагирования спецподразделения *Brigade Speciale Beveiligingsopdrachten* (BSB) уже заняли позиции у ангара. Вместе с ними на перроне дежурят две машины без опознавательных знаков. Служба общей разведки и безопасности Нидерландов — AIVD.

Агница посмотрела на схему стоянки, затем подняла глаза на Воронцова:

— Их задача — не дать нам покинуть периметр аэропорта. Они вручат судебный ордер Гаагского суда и введут процессуальный арест под предлогом проверки документов до утра.

— Именно, — Воронцов наклонился вперед, положив локти на стол. Его лицо было в нескольких сантиметрах от нее. Серые зрачки горели опасным, собранным огнем: — Поэтому план меняется на ходу, Агница. Мы не садимся в предоставленный аэропортом лимузин. Мы не проходим досмотр в здании терминала.

— А как мы выберемся из блокированного сектора?

— Моя группа сопровождения зашла в Схипхол сорок минут назад со стороны грузовых складов по фальшивым пропускам технического персонала компании *Swissport*, — отчеканил Кирилл. — На подъезде к полосе стоит бронированный микроавтобус с дипномерами консульства Объединенных Арабских Эмиратов. У них дипломатический иммунитет от досмотра транспортных средств по Венской конвенции шестьдесят первого года. В ту секунду, когда откроется трап, ты спускаешься первой. Никаких споров с пограничниками. Ты садишься в машину консульства.

— А ты? — ее голос едва заметно дрогнул, но взгляд остался прямым и жестким. — Ты останешься на полосе под прицелом спецназа BSB?

Воронцов протянул руку, взял ее за подбородок, заставив смотреть прямо в его серые глаза. Его пальцы были сухими и горячими, прикосновение обожгло кожу, разгоняя кровь:

— Я останусь ровно настолько, чтобы офицер связи AIVD подавился своим ордером. Мои документы — это дипломатический паспорт советника ближневосточной инвестиционной миссии в DIFC. Они не имеют права даже коснуться моих рукавов без риска получить международный скандал на высшем уровне. Но мне нужно, чтобы ты была в Роттердаме через сорок минут. До того, как Ван дер Меер отдаст приказ срезать пломбы с грузовых манифольдов.

Агница накрыла его ладонь своими пальцами, слегка сжав его запястье, ощутив под пальцами тяжелый, мощный пульс:

— Я не поеду в Роттердам без тебя, Кирилл. Мы подписали пакт о неразрывном представительском единстве. Если голландцы увидят, что мы разделились, они решат, что альянс дал трещину. В судах слабость чувствуют мгновенно.

Воронцов посмотрел на нее долгим, немигающим взглядом. В глубине его зрачков мелькнуло то самое темное, собственническое пламя, которое больше невозможно было обуздать:

— Ты упряма, госпожа Воронцова.

— Я рациональна, господин Воронцов, — парировала она, и на ее губах появилась тонкая, холодная улыбка оксфордского барристера. — И я не оставляю своего главного свидетеля в руках иностранных спецслужб. Мы выходим вместе. Мы садимся в арабский броневик вместе. А если голландский офицер попытается встать на пути — я лично вручу ему уведомление о нарушении дипломатической неприкосновенности под видеозапись.

Шасси джета коснулись мокрого бетона полосы Полдербан с оглушительным, хлестким ударом.

Реверс двигателей взревел с чудовищной силой, срывая тонны водяной взвеси с плоскостей и выбрасывая белый шлейф пены в темноту ночного аэропорта. Многотонный самолет задрожал, вгрызаясь тормозами в мокрый асфальт, гася скорость со ста шестидесяти узлов до тридцати.

За стеклом замелькали желтые огни указателей рулежных дорожек: **V-B**, **V-A**, **E-6**.

Через минуту самолет свернул на изолированную рулежку сектора Схипхол-Оост.

Впереди, сквозь мокрую пелену дождя, уже вспыхнули синие проблесковые маяки. Три черных микроавтобуса *Volkswagen Transporter* с решетками на окнах и надписями *Marechaussee* выстроились клином, перекрывая выезд на магистральную дорожку.

Рядом, у ангара номер пятьдесят два, под струями холодного ливня стояли шестеро оперативников в черных штурмовых комбинезонах с тактическими карабинами наперевес. Позади них замер неприметный серебристый седан *Audi A6* с тонированными стеклами, в салоне которого горел экран правительственного терминала связи.

Командир корабля выключил двигатели. Гул турбин начал медленно затихать, сменяясь шумом дождя, барабанившего по дюралевой обшивке фюзеляжа.

Щелкнул замок гермодвери. С легким пневматическим шипением трап джета опустился в ледяную тьму амстердамской ночи.

Агница накинула на плечи графитовое шерстяное пальто архитектурного кроя от *Khaite*, застегнула воротник-стойку под самое горло и взяла в руку жесткую кожаную папку с гербом Международного трибунала ООН.

Воронцов надел пальто, проверил во внутреннем кармане бордовый дипломатический паспорт с золотой вязью Объединенных Арабских Эмиратов и шагнул к трапу первым, придерживая ее за руку.

На первой ступени трапа их встретил шквал ледяного балтийского ветра, пахнущий керосином и мокрой травой польдеров.

Внизу, у подножия лестницы, стоял высокий сухощавый мужчина в темном непромокаемом плаще. В свете прожекторов микроавтобусов блеснули золотые капитанские нашивки на погонах Королевской военной полиции и жетон офицера по особым поручениям.

В правой руке он держал сшитый в плотную обложку документ с красной гербовой печатью Окружного суда Гааги.

— Господин Воронцов? Госпожа Раевская? — произнес офицер на безупречном, сухом английском языке, перекрывая свист ветра. — Капитан Ван Хоорн, Королевская военная полиция Нидерландов. Прошу вас оставаться на трапе. В соответствии с чрезвычайным постановлением суда округа Гаага номер KG-26/110, ваш борт и все находящиеся на нем лица задержаны в пределах пограничной зоны для проведения углубленного процессуального досмотра.

Он поднял документ, глядя на Агницу снизу вверх холодными водянистыми глазами:

— Вам предписано немедленно сдать средства связи и проследовать в помещение комендатуры сектора.

Агница замерла на третьей ступени трапа.

Ее светлые волосы выбились на ветру, но лицо оставалось выточенным из застывшего мрамора. Она медленно положила ладонь на поручень трапа, перевела взгляд с капитана на черные стволы карабинов голландского спецназа и едва заметно, медленно наклонила голову:

— Капитан Ван Хоорн. Вы только что совершили самую фатальную ошибку в своей военной карьере.

Шквал с Северного моря бросил в лицо Агнице пригоршню ледяной водяной пыли, но она даже не моргнула.

Она стояла на третьей ступени трапа, возвышаясь над голландским офицером. Пальто архитектурного кроя от *Khaite* не колыхалось на ветру — плотная тяжелая шерсть держала форму, как вороненая кираса. Под ней безупречно сидел брючный костюм, в кармане покоился титановый защищенный кейс с картами спутникового шифрования.

Капитан Ван Хоорн держал судебный лист перед собой, словно защищался им от радиации. За его спиной шестеро штурмовиков BSB в кевларовых шлемах стояли в полупозиции готовности к открытию огня: приклады укороченных карабинов уперты в правые плечи, указательные пальцы вдоль спусковых скоб.

— Повторяю, госпожа Раевская, — голос капитана попытался набрать металлической твердости, но сорвался на высокой ноте свистящего ветра. — Вы обязаны спуститься по трапу и сдать средства связи. Любая попытка затягивания процедуры будет зафиксирована как отказ подчиниться законным требованиям офицера пограничной стражи.

Агница сделала один шаг вниз.

Ее каблуки из черной кожи звонко ударили по рифленой дюрали ступени. Звук прозвучал сухо, как щелчок затвора.

— Во-первых, капитан, для вас я госпожа Воронцова, — отчеканила она на кристальном, режущем верхнеанглийском языке, от которого у британских судей в Сити холодели пальцы. — Во-вторых, опустите вашу бумагу. Вы позорите юридическую школу Лейденского университета, если всерьез рассчитываете вручить постановление окружного суда первой инстанции о предварительных мерах на борту воздушного судна, находящегося в статусе экстерриториального транзита.

Ван Хоорн нахмурился, его рука дрогнула:

— Самолет совершил посадку на территории Королевства Нидерландов. Суверенитет порта Схипхол...

— Самолет совершил аварийную посадку с объявлением приоритета безопасности полетов *Pan-Pan*, — Агница шагнула еще на одну ступень, сократив дистанцию до двух метров. Ее серо-стальные глаза впились прямо в водянистые зрачки офицера. — В соответствии со статьей двадцать пятой Чикагской конвенции о международной гражданской авиации и статьей пятой Приложения номер тринадцать, борт, совершивший экстренную посадку в связи с отказом гидросистемы, пользуется режимом неприкосновенности до завершения технического осмотра представителями государства регистрации. Воздушное судно зарегистрировано в Сан-Марино. Вы уведомили консула Сан-Марино? Вы вызвали представителя Совета по безопасности на транспорте Нидерландов?

Она сделала паузу, наслаждаясь тем, как побелели костяшки пальцев капитана:

— Нет. Вы привели штурмовую группу без идентификационных номеров по звонку из Брюсселя. Это акт процессуального бандитизма.

В разговор вступил Воронцов.

Он спустился следом, бесшумно встав плечом к плечу с Агницей. Его широкая фигура в расстегнутом черном пальто мгновенно заслонила свет прожектора, нависая над голландцами тяжелой монолитной стеной. На его губах играла та самая опасная, скупая усмешка, с которой он в свое время входил в переговорные кабинеты на Лубянке.

— Капитан, — негромко, рокочущим басом произнес Кирилл. Голос звучал почти лениво, но оперативники BSB за спиной Ван Хоорна инстинктивно переступили с ноги на ногу, почувствовав исходящую от него звериную, выверенную опасность. — Позвольте мне избавить вас от уголовного дела по статье двести двадцать первой нидерландского уголовного кодекса — незаконное лишение свободы лицом, наделенным властными полномочиями.

Воронцов медленно, не делая резких движений, опустил правую руку во внутренний карман пальто.

Старший боец штурмовой группы мгновенно вскинул карабин, целясь Воронцову в переносицу. Кирилл даже не взглянул на ствол. Он извлек темно-бордовую книжку в тисненой кожаной обложке с золотым соколом — гербом Объединенных Арабских Эмиратов — и раскрыл ее перед лицом Ван Хоорна.

— Дипломатический паспорт советника Высшего совета национальной безопасности ОАЭ и постоянного представителя финансовой миссии Дубая в Международном суде ООН, — отчеканил Воронцов. — Аккредитован при министерстве иностранных дел в Гааге шестнадцать месяцев назад.

Он наклонился чуть вперед, заглянув капитану прямо в глаза:

— Моя супруга, госпожа Воронцова, внесена в дипломатическую карточку категории «А». В силу статей двадцать девятой и тридцать первой Венской конвенции тысяча девятьсот шестьдесят первого года, наши личности, наш багаж и используемые нами транспортные средства пользуются абсолютным иммунитетом от юрисдикции государства пребывания. Нас нельзя задерживать. Нас нельзя досматривать. И к нам нельзя приближаться с оружием ближе, чем на пять метров.

Воронцов перевел ледяной взгляд на бойца, целившегося в него из карабина:

— Опусти оружие, сынок. Если с этого ствола сорвется хоть один патрон, твое правительство будет расплачиваться с Персидским заливом золотыми слитками до конца столетия.

Ван Хоорн судорожно сглотнул. Он быстро посмотрел на раскрытый паспорт, на золотую голограмму МИДа Нидерландов, вклеенную на третьей странице, и его лицо начало стремительно терять краску.

Он ожидал встретить испуганных коммерсантов, которых можно запугать судебной бумагой. Вместо этого он столкнулся с юридическим тараном британского барристера и дипломатическим прикрытием ближневосточной сверхдержавы, взломать которое капитан пограничной службы не имел ни малейших полномочий.

В этот момент глухую блокаду взлетно-посадочной полосы разорвал визг тормозов.

Со стороны грузового терминала *Swissport*, снеся временные пластиковые конусы дорожного ремонта, на перрон влетел тяжелый черный бронированный внедорожник *Cadillac Escalade ESV*. На его передних крыльях развевались два крошечных зеленых штандарта с соколом, а на номерах горела серия **CD** — дипломатический корпус.

Машина на скорости в шестьдесят километров в час ввинтилась в пространство между микроавтобусами спецназа и трапом самолета, развернулась юзом на мокром бетоне и замерла, намертво перекрыв сектор обстрела для голландских штурмовиков.

Задняя дверь внедорожника с глухим щелчком распахнулась.

За рулем сидел офицер личной службы безопасности Воронцова — позывной «Гранит», ветеран спецопераций, одетый в строгий темный костюм с дипломатическим значком на лацкане. В его руке не было оружия, но на консоли рядом лежал короткий пистолет-пулемет, прикрытый папкой для документов.

— Машина подана, господин советник, — громко, на английском произнес водитель.

Ван Хоорн сделал судорожное движение вперед, пытаясь перекрыть трап рукой:

— Стойте! Я должен связаться с генеральным прокурором в Гааге! Вы не можете покинуть зону...

Агница даже не посмотрела на него.

Она плавно сошла с последней ступени трапа, ее локоть коснулся предплечья Воронцова. Они шли мимо капитана так, словно офицер пограничной стражи был прозрачной деталью портового пейзажа.

— Вы свяжетесь с прокурором, капитан, — бросила Агница через плечо, садясь в салон бронированного внедорожника. — И передадите ему, что через два часа Международный трибунал по морскому праву в Гамбурге начнет экстренные слушания по факту пиратского захвата танкера «Балтийский лидер». Ваш Ван дер Меер будет давать показания под присягой. Позаботьтесь, чтобы у него был хороший адвокат.

Воронцов шагнул в салон следом, захлопнув тяжелую, обшитую баллистической сталью дверь.

Глухой, тяжелый звук запирающихся замков прозвучал как выстрел крупного калибра: **КЛАК**.

Стекло перегородки опустилось. Воронцов коротко бросил водителю:

— Трасса A4. Направление — Роттердам, терминал Gate LNG. Скорость максимальная. Если микроавтобусы Marechaussee попытаются сесть на хвост — блокировать по протоколу дипломатического эскорта.

— Принято, командир, — отозвался Гранит.

Тяжелый пятилитровый двигатель V8 взревел глухим, утробным рыком. Шеститонный броневик сорвался с места, взметая колесами фонтаны ледяной жижи, проскочил в полуметре от бампера головного микроавтобуса голландцев и вылетел на технологическую дорогу Схипхол-Оост.

В зеркале заднего вида остались застывшие фигуры спецназовцев BSB и капитан Ван Хоорн, лихорадочно прижимающий к уху трубку радиостанции.

В салоне внедорожника царила полутьма, нарушаемая лишь мерцанием двух широких экранов мобильного командного узла.

Здесь пахло подогретой кожей наппа, оружейной смазкой и озоном от климатической установки. Агница сбросила пальто, оставшись в графитовом жилете. Ее руки не дрожали. Она уже развернула на коленях планшет, синхронизированный с базой данных Международного трибунала по морскому праву (ITLOS) в Гамбурге.

Внедорожник вылетел через грузовые ворота КПП-7. Голландские охранники на выезде даже не успели опустить шлагбаум — увидев дипломатические номера и скорость несущейся махины, дежурный инстинктивно вдавил кнопку аварийного открытия. *Escalade* пробил створ ворот и вылетел на мокрый автобан A4, уходящий стрелой на юг, сквозь черные польдеры к Гааге и Роттердаму.

Спидометр перевалил за отметку сто шестьдесят километров в час.

— До ворот терминала Gate LNG семьдесят четыре километра, — доложил водитель, сканируя зеркала. — Хвоста нет. Полиция Схипхола не рискнула объявлять план перехвата против дипломатического борта. Но трассу A4 мониторят вертолеты службы трафика.

Воронцов не слушал отчет о погоне.

Он сидел рядом с Агницей, придвинувшись вплотную. Его рука накрыла ее пальцы на сенсорной панели планшета. Прикосновение было властным, сильным, снимающим последние остатки внутреннего напряжения после прорыва:

— Ты разбила его за девяносто секунд, Агница.

Она повернула голову. Их взгляды встретились в полумраке салона. В ее серых зрачках полыхал холодный триумф гроссмейстера, просчитавшего партию на двадцать ходов вперед:

— Он был пешкой, Кирилл. Ван Хоорн выполняет приказы людей, которые никогда не держали в руках текст международного договора. Но настоящая битва ждет нас у причала.

Она открыла зашифрованный файл со спутниковыми снимками акватории Маасвлакте-2:

— Смотри на координаты. Танкер «Балтийский лидер» уже ошвартован у третьего технологического пирса. Два буксира прижали его к отбойным палам. На причале развернуты три передвижные насосные станции нидерландской компании *Vopak*. Они готовятся подсоединить гибкие шланги высокого давления к нашим грузовым манифольдам.

Воронцов прищурился, вглядываясь в детали инфракрасного снимка:

— Сколько у нас времени до начала перекачки?

— Не больше сорока минут, — отчеканила Агница. — Ван дер Меер торопится. Он знает, что как только трибунал в Гамбурге примет наше заявление к производству, любые действия с грузом станут прямым международным преступлением. Он хочет слить первые пять тысяч тонн до рассвета, чтобы создать необратимый факт экспроприации.

Кирилл нажал кнопку спутникового телефона, вызывая закрытый канал связи с командиром группы морского спецназа «Гранит-2», находившейся в акватории Роттердама:

— Багров, доложи статус.

В динамике сквозь шум волн раздался глухой, сосредоточенный голос начальника службы безопасности Олега Раевского:

— Мы в полукабельтове от правого борта танкера. Подошли на надувном катере без огней под прикрытием штормовой волны. Голландский спецназ контролирует ходовой мостик и машинное отделение. Но технологический трюм номер два и кингстонные отсеки пусты. Они не знают архитектуры этого проекта.

— Вы готовы активировать протокол «Теневой киль»? — спросил Воронцов.

— Ждем вашей команды, командир. Взрывпакеты на гидравлических приводах донных клапанов установлены. Мы можем заклинить систему за тридцать секунд. Но если мы сорвем давление — на причале сработает аварийная сигнализация порта. Начнется вой на всю Европу.

Воронцов посмотрел на Агницу:

— Твой ход, госпожа Воронцова. Давать команду на силовой саботаж? Или у тебя готов юридический капкан, который заставит их заглушить насосы без единого выстрела?

Агница медленно усмехнулась. Ее пальцы скользнули по сенсорному экрану, отправляя в канцелярию трибунала в Гамбурге пакет документов объемом в четыреста страниц с цифровой подписью высшего международного арбитра:

— Пусть Багров держит палец на кнопке, Кирилл. Но сначала мы дадим европейским комиссарам возможность совершить публичное самоубийство перед камерами мировых агентств.

Она подняла глаза на трассу, где сквозь стену дождя уже проступали циклопические контуры подъемных кранов и светящиеся башни резервуаров Роттердамского порта:

— Жми на газ, Гранит. Мы въезжаем в Маасвлакте.

Глава 2. Схипхол под контролем / Марш на Маасвлакте

Трасса A4 рассекала ночные польдеры Южной Голландии черной мокрой лентой.

Ливень не утихал. Тяжелые свинцовые струи сплошной стеной хлестали по многослойному лобовому бронестеклу *Cadillac Escalade*, с шипением испаряясь на раскаленном капоте. За окнами в густом молочном мареве мелькали силуэты ветрогенераторов: их циклопические трехлопастные винты медленно резали низкие тучи, вспыхивая синхронными красными предупредительными огнями.

Спидометр замер на отметке сто семьдесят пять километров в час.

Внутри шеститонного броневика царила неестественная, плотная тишина, какую можно встретить лишь в экранированных аппаратных или на мостиках субмарин перед погружением. Пневматическая подвеска скрадывала дефекты асфальта; трехтонное шасси держало курс мертво, вгрызаясь широкими шипованными колесами в залитую водой колею.

Агница сидела, подогнув под себя одну ногу, положив локти на откидной столик из мореного ореха.

Ее лицо было озарено холодным люминесцентным светом трех экранов. На левом дисплее обновлялся формуляр экстренного заявления в Международный трибунал по морскому праву (ITLOS) в Гамбурге: параграфы иска по статье 290 Конвенции ООН ложились в электронную форму с хирургической четкостью. На правом мониторе пульсировали строки закрытых новостных лент *Bloomberg Terminal* и *Reuters Shipping Intelligence*.

Она не просто составляла судебный иск — она готовила медийную и финансовую блокаду.

— Пресс-релиз ушел по закрытой подписке пятидесяти ведущих морских брокеров Европы, — не отрывая пальцев от клавиатуры, произнесла Агница. Голос звучал ровно, с тем металлическим оттенком, который появлялся у нее во время ключевых прений в Сити. — Заголовок: «Незаконный абордаж нидерландским спецназом танкера под флагом Либерии в нейтральных водах Северного моря. Угроза срыва поставок тридцати тысяч тонн сырья».

Она бросила быстрый взгляд на циферблат *Cartier Tank*: **04:12**.

— Через тридцать минут откроется азиатский торговый слот на Лондонской бирже металлов и нефти (ICE). Трейдеры увидят, что Роттердам стал зоной пиратских рисков. Ставки фрахта для европейских портов подскочат минимум на восемнадцать процентов к утреннему кофе. Если Ван дер Меер думает, что грабит нас в тишине, он глубоко заблуждается. Мы заставим европейский бизнес платить за каждую минуту простоя нашего судна.

Воронцов сидел рядом, вытянув длинные ноги.

Он снял пальто; на его плечах тускло отсвечивала оперативная кобура из черной формованной кожи с вороненым пистолетом Glock 17, надетая прямо поверх жилетки. Его правая рука покоилась на колене Агницы. Широкая, горячая ладонь уверенно фиксировала ткань ее шерстяных брюк, передавая ровный, гипнотический ритм собственного спокойствия.

Он не мешал ей работать. Он наблюдал за тем, как ее тонкие пальцы выбивают дробь по клавишам, как вздрагивает светлая прядь у виска и как раздуваются тонкие ноздри при каждом ударе по клавише ввода. В ней не было паники жертвы. Была та самая безжалостная порода хищника, которая возбуждала его сильнее любого классического соблазна.

— Ты бьешь по карману их портовой ассоциации, — негромко произнес Кирилл. В его серых глазах отражались зеленые графики котировок. — Порт Роттердама живет за счет репутации абсолютной правовой стабильности. Если судовладельцы поймут, что голландские чиновники могут высадить десант на любой танкер за пределами территориальных вод и слить груз по звонку из Брюсселя, начнется бегство флота в Антверпен и Гамбург.

— Именно, — Агница повернула к нему голову. В ее серых глазах горел холодный азарт. — Мэр Роттердама Ахмед Абуталеб возглавляет попечительский совет порта. Через десять минут его секретарь получит уведомление о персональном иске на восемьсот миллионов евро в Международную торговую палату (ICC) в Париже за содействие государственному рейдерству. Мы заставим их собственную бюрократию грызть глотки друг другу.

Воронцов нажал кнопку интеркома на центральной консоли:

— Гранит, сколько до развилки на Маасвлакте?

Водитель, не отрывая взгляда от залитого водой полотна автобана, отчеканил:

— Восемнадцать километров, командир. Проходим развязку Риддеркерк. Скорость сто шестьдесят. Трасса пока чистая, но дорожные камеры на въезде в промышленную зону Роттердама работают в усиленном режиме: за нами идет электронная фиксация со стороны регионального полицейского управления Зеландии.

— Они не посмеют выставить шипы против машины с дипломатическими номерами ОАЭ, — холодно отозвался Воронцов. — Но на въезде в терминал нас будут встречать в лоб. Багров на связи?

— Канал «Браво-шесть» открыт, — водитель переключил тумблер радиостанции.

В динамиках под потолком салона раздался свист морского шквала и тяжелое, мерное дыхание Сергея Багрова.

Шум волн, разбивающихся о стальной борт танкера, был настолько осязаем, что казалось, будто ледяная соленая пена плещется прямо за дверями внедорожника:

— «Гранит-один», я «Балтика-лидер», — доложил начальник службы безопасности. — Мы закрепились в трюме номер два, на отметке минус четыре метра ниже ватерлинии. Группа четыре человека. Голландский спецназ выставил два поста: один на ходовом мостике, второй у главного манифольда на верхней палубе. Капитан Самойлов и старший механик изолированы в штурманской рубке. Их прессует человек из Брюсселя — требует подписать акт добровольной передачи груза на временное хранение.

— Самойлов держится? — спросила Агница, подавшись к микрофону.

— Держится, Агния Олеговна, — в голосе Багрова прозвучала скупая усмешка. — Сказал брюссельскому комиссару, что подпишет акт только в том случае, если бумагу заверят кровью самого комиссара. Но на причале разворачивают тяжелую технику. Мы слышим через корпус работу гидравлических подъемников. Кран терминала Gate LNG уже завел балансир над приемными фланцами судна. Они готовятся к стыковке шлангов.

Воронцов посмотрел на хронометр:

— Десять минут готовности, Багров. Не открывать огонь до нашей команды. Если шланги начнут соединять с нашими береговыми задвижками — активируйте подрыв сервоприводов по протоколу «Теневой киль». Заблокируйте гидравлику намертво.

— Принято, командир. Палец на тумблере. Ждем на причале.

Связь отключилась.

Внедорожник сбросил скорость до ста двадцати километров в час, закладывая плавный вираж на съезд с автобана A4 на национальную трассу N15 — главную артерию, уходящую вглубь рукотворного полуострова Маасвлакте-2.

Здесь природа окончательно капитулировала перед индустриальным гигантизмом.

Справа и слева из темноты поднимались циклопические контуры нефтеперерабатывающих заводов Shell и ExxonMobil. Тысячи километров переплетенных серебристых трубопроводов, ректификационные колонны высотой с двадцатиэтажные дома, шипящие факельные башни, выбрасывающие в низкое дождливое небо плотные языки оранжевого пламени. Воздух за бортом стал тяжелым, пахнущим серой, сырой нефтью и морской тиной.

Впереди, на самом краю выступающего в Северное море полуострова, сквозь мокрую тьму проступило холодное гало прожекторов.

Терминал Gate LNG — главные СПГ-ворота Северо-Западной Европы.

Три гигантских железобетонных резервуара полного сдерживания, каждый емкостью сто восемьдесят тысяч кубометров, вздымались над плоской береговой линией как крепостные бастионы.

А чуть дальше, у третьего глубоководного пирса, прижатый мощными буксирами к гранитным отбойникам, стоял «Балтийский лидер».

Черный стальной корпус танкера длиной в два футбольных поля казался живым великаном, запертым в капкане. На палубе судна и на причальной стенке было светло как днем: десятки мобильных дизельных прожекторов заливали сталь и бетон слепящим, хирургически белым светом.

Вокруг причала выстроилось плотное оцепление: три броневика нидерландской военной полиции с решетками на окнах, две пожарные машины с развернутыми лафетными стволами и белый передвижной командный пункт с антеннами спутниковой связи.

На въездных воротах сектора безопасности терминала горел тревожный красный семафор.

Массивный автоматический противотаранный барьер — стальная плита высотой в метр — был поднят из дорожного полотна, намертво блокируя проезд. Перед барьером стояли четверо бойцов спецподразделения BSB в полном боевом снаряжении с карабинами наперевес.

Водитель броневика сбросил скорость до сорока:

— Въездной КПП «Браво-два», командир. Барьер поднят. Они не откроют.

Воронцов медленно застегнул пиджак, поправил манжеты, скрывая платиновые запонки, и перевел взгляд на Агницу. В его зрачках не было колебаний — только темная, несокрушимая воля хищника, выходящего на арену:

— Пора выходить на авансцену, госпожа Воронцова.

Агница взяла со столика тяжелую кожаную папку с гербом Международного трибунала ООН, расправила плечи и заглянула ему прямо в глаза:

— Тормози в полуметре от их барьера, Гранит. Мы заставим их опустить эту сталь своими руками.

Тяжелый *Escalade* взвизгнул тормозной системой, проутюжил мокрый асфальт и замер радиаторной решеткой ровно в двадцати сантиметрах от поднятого стального барьера, ослепив голландских автоматчиков дальним ксеноновым светом.

Слепящий ксеноновый луч дальнего света *Cadillac Escalade* выхватывал из темноты капли ливня, летевшие горизонтально, и четыре застывшие фигуры голландских штурмовиков BSB.

Старший поста — рослый сержант в кевларовой полумаске, заляпанной мокрой глиной — сделал два шага навстречу капоту, выставив вперед раскрытую ладонь в тактической перчатке. Второй рукой он упер приклад карабина HK416 в плечо.

— *Stop het voertuig!* Заглушить двигатель! — гаркнул он на голландском, затем перешел на ломаный английский: — Закрытая технологическая зона порта! Проезд частного транспорта запрещен директивой портовой безопасности!

Бронированное боковое стекло *Escalade* со стороны водителя опустилось ровно на четыре пальца. Ровно настолько, чтобы наружу вырвался сухой озоновый воздух кондиционера и дуло микрофона оперативной связи.

Гранит не стал вступать в перепалку. Он молча прижал к стеклу ламинированную пластиковую карту — дипломатическую ноту экстренного транзита посольства ОАЭ с персональным QR-кодом МИД Нидерландов, а рядом выставил объектив видеорегистратора высокого разрешения, транслирующего картинку в прямой эфир на серверы ситуационного центра в Абу-Даби.

— Дипломатическая миссия чрезвычайного уполномоченного по морским спорам, — отчеканил Гранит по-английски с жестким акцентом. — Любая задержка транспортного средства квалифицируется как нарушение статьи двадцать девятой Венской конвенции. Время фиксации инцидента пошло. Через шестьдесят секунд копия записи ложится на стол дежурного дипломатического советника премьер-министра Нидерландов Марка Рютте. Опустить барьер.

Сержант BSB приблизился к стеклу, вглядываясь в золотого сокола на дипломатическом бланке. Его рация на разгрузочном жилете зашипела: из динамика пробился сдавленный, нервный голос диспетчера комендатуры Схипхола:

«Пост два, это центральный пульт. Не препятствовать движению борта CD-044. Повторяю: не препятствовать. Пропустить в сектор пирса номер три без досмотра».

Сержант скрипнул зубами. Опустил ствол карабина, сделал шаг назад к будке управления и нажал клавишу.

Тяжелая плита противотаранного барьера с глухим гидравлическим воем медленно ушла в бетонное гнездо дорожного полотна. Красный семафор сменился тускло-зеленым.

Escalade плавно тронулся с места, перевалил через стальные пазы барьера и выкатился на широкую бетонную полосу третьего технологического пирса терминала Gate LNG.

Здесь, у самого среза черной воды залива, шторм бушевал в полную силу.

Ветер срывал с гребней волн белые клочья пены, швыряя их в гранитные отбойники пирса. Огромный корпус «Балтийского лидера» медленно вздымался и опускался на стальных швартовых концах толщиной в руку; натяжные тросы звенели как гитарные струны циклопического инструмента, издавая низкий, вибрирующий гул.

Посреди бетонного плаца, в круге слепящего света прожекторных вышек, кипела работа.

Техническая бригада нидерландской стивидорной компании *Vopak* — восемь человек в ярко-оранжевых огнестойких комбинезонах и защитных касках — суетилась у основания судового трапа. Мобильный автокран с телескопической стрелой уже завел над приемным манифольдом танкера тяжелый балансир с тремя гибкими шлангами высокого давления криогенного исполнения. Диаметр рукавов — шестнадцать дюймов; толстая вакуумная изоляция была покрыта коркой белого инея от предварительного охлаждения азотом.

В десяти метрах от шлангов, укрывшись от ветра за бронированным бортом полицейского микроавтобуса, стоял Хендрик ван дер Меер.

Специальный уполномоченный Еврокомиссии пил кофе из термостакана, плотно застегнув воротник штормового пальто. Рядом с ним начальник смены терминала в желтой жилетке лихорадочно листал на планшете технологическую карту принудительного слива.

Когда тяжелый черный *Escalade* без звука замер в пяти метрах от них, перерезав траекторию движения автокрана, Ван дер Меер поперхнулся кофе.

Из внедорожника первым вышел Воронцов.

Он двигался с той неспешной, давящей грацией хищника, которая моментально парализует пространство. Черное шерстяное пальто расстегнуто, открывая кобуру на груди; руки без перчаток, галстук цвета вороненой стали развевается на балтийском ветру. Он не смотрел на рабочих. Его серые глаза сфокусировались на лице комиссара ЕС с точностью снайперского дальномера.

Воронцов обошел машину и распахнул заднюю дверь.

Агница вышла под ледяной ливень.

На ней не было ни капли растерянности. Двубортный брючный костюм, пальто *Khaite*, тугой платиновый узел волос, не тронутый влагой, и тяжелая папка с гербом трибунала ООН, прижатая к локтю. Она шла по мокрому бетону пирса так, словно это был ковер Палаты лордов — отсекая каблуками сухой, ритмичный шаг.

Рабочие *Vopak* инстинктивно прекратили монтаж фланцев. Оператор крана замер в кабине, опустив руки с рычагов гидравлики.

— Господин ван дер Меер? — голос Агницы перекрыл вой ветра и рев дизельных генераторов. Чистый, ледяной английский язык, в котором звенела обнаженная сталь.

Комиссар Еврокомиссии медленно опустил стакан, сжав челюсти. Его холеное лицо исказила гримаса высокомерного раздражения:

— Госпожа Раевская? Каким образом вы...

— Для протокола Международного трибунала по морскому праву: я госпожа Воронцова, старший партнер адвокатского бюро *Raevskaya & Partners*, законный представитель судовладельца, — отчеканила она, подойдя к нему на расстояние вытянутой руки. Воронцов встал чуть позади нее, возвышаясь над чиновником на полторы головы. — А вы, господин комиссар, находитесь на месте совершения международного преступления, предусмотренного статьей сто второй Конвенции ООН по морскому праву — соучастие в акте морского пиратства с использованием служебного положения.

Ван дер Меер нервно дернул плечом, пытаясь вернуть маску брюссельского превосходства:

— Следите за формулировками, мадам! У меня на руках чрезвычайная директива Совета Европейского союза номер двадцать шесть дробь четыреста. Груз на борту этого танкера арестован по решению компетентных органов ЕС.

Он ткнул пальцем в сторону шлангов:

— Мы начинаем разгрузку. Топливо поступит в стратегические резервы Королевства Нидерландов. Если вы попытаетесь препятствовать исполнению директивы, подразделение DSI применит силу.

— Ваша директива — юридически ничтожная макулатура, Хендрик, — Агница сделала шаг вперед, прижав папку к его груди. — Вчера в двадцать три ноль-ноль канцелярия Международного трибунала по морскому праву (ITLOS) в Гамбурге зарегистрировала наше экстренное ходатайство о применении временных мер по статье двести девяностой UNCLOS. Дело номер тридцать восемь: *Либерия против Королевства Нидерландов*.

Ван дер Меер моргнул, его веки нервно задрожали:

— Трибунал не заседает по ночам...

— Председатель трибунала господин Томас Хайдар уведомил постоянное представительство Нидерландов в Гамбурге сорок минут назад, — голос Агницы стал еще тише, но каждое слово падало с тяжестью гранитного блока. — Слушания назначены на десять утра. Любое изменение физического состояния спорного объекта — а именно слив хоть одного литра газового конденсата — признается грубейшим неуважением к суду ООН и влечет автоматические санкции Совета Безопасности против инфраструктуры порта Роттердам.

Она повернулась к начальнику смены терминала *Vopak*:

— Инженер. Если вы откроете задвижки, ваша личная лицензия оператора опасных производств будет отозвана Международной ассоциацией стивидоров к полудню. А компания *Vopak* получит иск о возмещении убытков в Арбитражном суде Парижа на один миллиард двести миллионов евро с арестом ваших акций на бирже Euronext. Вы готовы сесть в тюрьму ради политических амбиций этого чиновника?

Инженер побледнел. Посмотрел на Ван дер Меера, затем на Агницу, судорожно сглотнул и медленно убрал палец с сенсорного экрана пульта.

— Какого черта вы замерли?! — взорвался Ван дер Меер, теряя остатки европейского лоска. Лицо комиссара налилось багровой краской: — Я приказываю начать стыковку! Под мою личную ответственность! Подайте давление на береговую линию!

Рабочие в нерешительности потянулись к тяжелым болтовым соединениям фланцев. Кран дернулся, опуская шестнадцатидюймовый рукав к манифольду танкера.

Воронцов не стал повышать голос.

Он спокойно поднял запястье, взглянул на сатинированный циферблат *Patek Philippe*, затем коснулся кнопки миниатюрной гарнитуры связи в левом ухе.

— Гранит-два. Протокол «Теневой киль». Активация.

На борту танкера, на глубине четырех метров ниже уровня бушующего Северного моря, в полной темноте второго технологического трюма ожила рация Сергея Багрова.

— Принято, — глухо отозвался безопасник.

Он повернул металлический ключ в герметичном взрывозащищенном блоке радиоуправления и замкнул цепь импульсного генератора.

В чреве «Балтийского лидера» раздался глухой, короткий звук, похожий на удар кувалды по днищу: **ТУК**.

Это сработали направленные пиропатроны на аварийных отсечных клапанах донной гидравлики. Стальные штоки сервоприводов с визгом перекосило в направляющих пазах, заклинив главную криогенную магистраль танкера в положении «Наглухо заперто». Одновременно в гидравлической системе берегового приемного узла Gate LNG давление подскочило с рабочих пятнадцати бар до критических шестидесяти.

Гидроудар колоссальной силы прошил трубопроводы причальной стенки.

С оглушительным металлическим визгом с фланцевого соединения первого берегового шланга сорвало два стальных болта. Струя азота под давлением со свистом вырвалась в ночной воздух, обдав рабочих ослепительным облаком ледяного пара.

На причале взвыли сирены противоаварийной защиты: **У-У-У-У-И-И-И-И!**

Автоматика безопасности терминала Gate LNG мгновенно отреагировала на разрыв контура: на пульте загорелась алая трансляция **TRIP ESD-1 / BERTH ISOLATION**. Автокран заблокировался, гидравлические приводы береговых задвижек с грохотом захлопнулись под действием возвратных пружин.

В двухстах метрах от причала, на верхушке девяностометровой факельной башни порта, избыток давления газовой фазы рванул в атмосферу. Гигантский, ревущий язык пламени высотой в тридцать метров взметнулся в черное штормовое небо, озарив весь Маасвлакте ядовитым оранжевым светом.

Ван дер Меер отшатнулся назад, споткнулся о рельс кранового пути и едва не рухнул на мокрый асфальт, закрывая лицо рукавом от жара факела.

Агница даже не шелохнулась.

Она стояла посреди воющих сирен и ревущего пламени, глядя на комиссара с высоты своего безупречного ледяного спокойствия. Ветер трепал полы ее темного пальто, в глазах цвета свинцовой Балтики отражался огонь горящего газа.

Воронцов подошел к тяжело дышащему чиновнику вплотную. Наклонился, уперев кулак в борт броневика над головой Ван дер Меера. Голос Кирилла прозвучал тихо, но пробил вой тревоги как бронебойная пуля:

— Механика отказала, господин комиссар. Ваша труба больше не принимает груз. А если вы попытаетесь сорвать пломбы вручную — этот терминал взлетит на воздух раньше, чем вы успеете набрать номер своего брюссельского куратора.

Агница достала из папки плотный гербовый конверт с золотым тиснением Международного трибунала и небрежно бросила его на колени скорчившегося чиновника.

— Повестка на заседание трибунала ITLOS, Хендрик. Город Гамбург, улица Ам Интернационален Зеегерихтсхоф, дом один. Время слушаний — десять ноль-ноль.

Она повернулась к лимузину, не оглядываясь:

— Не опаздывайте. Мы не любим ждать проигравших.

Воронцов посмотрел на застывших в оцепенении штурмовиков DSI, едва заметно усмехнулся и открыл дверь *Escalade*, пропуская Агницу вперед.

Тяжелый броневик развернулся на мокром бетоне пирса и на предельной скорости понесся обратно к выезду с полуострова, растворяясь в дождевой ночи под всполохами ревущего факела.

Первый силовой раунд в Роттердаме остался за ними. Но впереди лежала Гаага — цитадель европейской юстиции, где им предстояло сломать хребет всему энергетическому картелю старого мира.

Глава 3. Портовая инспекция / Гаагский прецедент

К пяти тридцати утра над шоссе A13 между Роттердамом и Делфтом повис мутный, пепельный рассвет.

Шторм выдохся, оставив после себя вязкую балтийскую морось и плотный туман, стелющийся по плоским каналам польдеров. Дворники бронированного *Cadillac Escalade* с монотонным, убаюкивающим скрипом смахивали серую водяную пленку. На спидометре держались стабильные сто двадцать километров в час: дипломатический статус борта ОАЭ по-прежнему действовал как баллистический купол, и редкие патрульные экипажи дорожной полиции Нидерландов (*Korps landelijke politiediensten*) лишь провожали тяжелый черный внедорожник холодными объективами стационарных радаров.

В салоне пахло остывающим черным кофе из термоса, сухим теплом климатической системы и раскаленной кремниевой пылью процессоров.

Агница сидела на правом пассажирском кресле, сбросив туфли и подтянув колени к груди. На ее коленях лежал рабочий ультрабук, подсоединенный через оптоволоконный мост к защищенному дата-центру в Дубае. Пальцы двигались по клавиатуре с ритмичной, пулеметной скоростью: ни грамма усталости после бессонной ночи и ревущего пламени факела на Маасвлакте. Адреналин отбил потребность во сне, трансформировавшись в то самое редкое, ледяное состояние сверхконцентрации, за которое в Лондоне ее называли «Валькирией коммерческого права».

На левом мониторе висели тридцать страниц закрытого аудита картеля *Euro-North Energy*.

На правом — обновлялись сводки нидерландского государственного телеканала NOS:

BREAKING NEWS / NOS JOURNAAL:

INCIDENT AT GATE LNG TERMINAL (ROTTERDAM).

TECHNICAL MALFUNCTION REPORTED ON TANKER UNDER LIBERIAN FLAG.

OFFICIAL STATEMENT BY DG ENER: "PRECAUTIONARY ISOLATION OF DANGEROUS HYDROCARBONS".

ROTTERDAM PORT AUTHORITY DENIES PIRACY ALLEGATIONS.

EMERGENCY INJUNCTION HEARING SCHEDULED AT THE HAGUE DISTRICT COURT (08:30 CET).

Воронцов сидел рядом. Он не пристегивался; темная шерстяная жилетка обтягивала его широкую грудь, на правом боку сквозь ткань проступал жесткий контур кобуры с Glock 17. Он успел сменить рубашку — свежий, хрустящий воротник цвета свинца подчеркивал резкую линию челюсти и темную суточную щетину. Тонкий шрам у правого виска слегка побелел.

В руке Кирилл держал защищенный спутниковый коммуникатор правительственной связи.

— Багров зафиксировал периметр, — негромко произнес он, не поворачивая головы. Его низкий, рокочущий бас заполнял салон вибрирующим спокойствием. — После гидроудара аварийная автоматика терминала заблокировала второй и третий стендеры минимум на четырнадцать часов. Нидерландские инженеры боятся подходить к задвижкам: разрыв фланца показал присутствие газовой фазы под давлением сорок бар. Пока голландцы не проведут азотную продувку магистрали, принудительный слив конденсата физически невозможен.

Агница коротко усмехнулась. Ее губы тронула та самая сухая, ядовитая полуулыбка, которая предвещала катастрофу для ее процессуальных оппонентов:

— Ван дер Меер сейчас сидит в служебном автомобиле на стоянке Маасвлакте и давится валидолом. Он обещал Брюсселю положить топливо в резервуары до открытия европейских

бирж. Биржи открываются через два часа. Если слив сорван, а груз заблокирован на борту под арестом трибунала ООН, страховые котировки Роттердама взлетят в стратосферу.

Она повернула ноутбук к Воронцову, коснувшись стилусом сенсорного экрана:

— Смотри, что раскопали наши аналитики в DIFC за те тридцать минут, пока мы пробивались через КПП.

Кирилл наклонился ближе. Его плечо прижалось к ее плечу; от него исходил знакомый, сухой и тяжелый аромат удового дерева, табака и оружейной стали. В полумраке салона их взгляды пересеклись на секунду, обменявшись темным, электрическим разрядом взаимного признания, и снова вернулись к экрану.

— Компания *North Sea Bunkering B.V.*, — прочитал Воронцов, мгновенно выхватывая суть диаграммы владения. — Зарегистрирована в Роттердаме. Уставный капитал — двадцать тысяч евро.

— Именно, — подхватила Агница, и в ее голосе зазвенела обнаженная сталь. — За три дня до ночного абордажа эта неприметная голландская «пустышка» подписывает с Генеральным директоратом ЕС по энергетике рамочный контракт на «ответственное хранение и реализацию изъятых углеводородов по специальной процедуре». Цена выкупа конденсата — сто сорок долларов за тонну при текущей рыночной цене в шестьсот восемьдесят. Дисконт почти в восемьдесят процентов!

Она щелкнула тачпадом, раскрывая следующий офшорный узел:

— А теперь смотрим на бенефициаров *North Sea Bunkering*. Сто процентов акций принадлежат фонду *Zeeland Maritime Trust* на Кюрасао. А единственный протектор фонда — мадам Элеонора ван дер Меер. Родная сестра нашего доблестного еврокомиссара Хендрика.

Воронцов медленно откинулся на спинку сиденья. В его серых глазах заплясали те самые холодные, смертоносные искры, которые появлялись во время разработки сложных экономических преступлений в Управлении «К».

— Чистая взятка в виде имущественного права, — констатировал Кирилл. — Комиссар использует силовой ресурс военной полиции Нидерландов и директиву Брюсселя, чтобы отжать тридцать тысяч тонн стратегического сырья, перекачать его на фиктивную фирму своей сестры за копейки и через неделю перепродать на спотовом рынке Роттердама европейским трейдерам. Чистая прибыль операции — шестнадцать миллионов евро кэшем.

— И эти люди обвиняют нас в связях с теневыми синдикатами, — процедила Агница. — Но это еще не все. Платеж за юридическое сопровождение контракта на Кюрасао прошел со счета лондонской фирмы *Sterling & Vance Advisory*.

— Лорд Алистер Вэнс, — холодно усмехнулся Воронцов. — Британский кабинет министров даже после его отставки продолжает дергать за ниточки через старые каналы. Вэнс хотел компенсировать свой провал в банке *Lombard Odier* за счет голландского налета.

— В девять утра в Окружном суде Гааги, — Агница аккуратно закрыла папку с файлом, — судья по срочным делам (Voorzieningenrechter) господин Йоханнес Бредероде открывает предварительные слушания по нашему экстренному иску. Ван дер Меер рассчитывает, что суд признает действия полиции законными в рамках общеевропейской директивы, и выдаст судебный ордер на принудительное вскрытие наших клапанов. Он не знает, что я держу в руках ордер на его собственный арест.

Внедорожник свернул с шоссе на подъездные аллеи Гааги.

Политическая столица Нидерландов встречала утро сдержанным протестантским высокомерием: безупречные кирпичные таунхаусы XVIII века, кованые черные решетки посольских резиденций, мокрые кроны вековых буков и каналы, затянутые зеленой ряской. Здесь не было роттердамского индустриального рыка — здесь правила миром тихая, вековая бюрократия международных конвенций.

В 06:15 автомобиль замер перед чугунными воротами исторического особняка на Ланге Ворхаут.

На фасаде из темно-красного клинкерного кирпича поблескивала строгая бронзовая табличка: **Van Bael & De Clercq. Advocaten / Maritime Bar**. Старейшее нидерландское адвокатское бюро, специализирующееся на адмиралтейском праве и защите судовладельцев от государственного произвола.

У ворот их уже ждал старший партнер бюро — мэтр Рууд ван де Берг.

Шестидесятилетний голландец в пальто из тяжелого темно-синего лодена, с седой профессорской шевелюрой и круглыми очками в черепаховой оправе, нетерпеливо расхаживал по гравию, выпуская клубы пара в сырой воздух.

Воронцов и Агница вышли из машины.

Ван де Берг сделал шаг навстречу, сдержанно поклонился, протягивая руку сначала Агнице, затем Кириллу. Его цепкий, проницательный взгляд мгновенно оценил идеальную форму гостей: ни следа дорожной паники, безупречные костюмы, ледяная собранность.

— Госпожа Воронцова. Кирилл Николаевич. Добро пожаловать в Гаагу, — произнес адвокат на безупречном юридическом английском с легким горловым акцентом. — Канцелярия судьи Бредероде подтвердила начало заседания ровно в восемь тридцать. Секретариат Еврокомиссии выставил против нас коллегию из семи королевских барристеров под руководством сэра Питера Хейворда. Они заняли малый зал суда еще в пять утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.